

№ 3

10 февраля

5 коп.

МАСКИ

ГОДЪ I.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНО.

1906

СКАЗКА О СВОБОДѢ.

Местъ.

(Средневѣковая баллада).

Сверкаетъ въ замкѣ праздникъ брачный,
Въ немъ пиръ вассаловъ и князей.
Но съ нами смерть и ужасъ мрачный
За гибель братьевъ и друзей.

* * *

Смѣлѣй, друзья полночной мести!
Идите здѣсь—въ тѣни оградъ.
Они въ чаду вина и лести,
У нихъ веселый маскарадъ.

* * *

Нѣмѣя въ праздности лѣнливой,
Уснула стража у дверей.
Ночна тишь дрожитъ пугливо...
Скорѣи, товарищи, скорѣи!

* * *

На дискъ луны, большой и странной,
Прозрачно сумракъ набѣжалъ...
Насъ не обманетъ часъ туманный,
И не измѣнитъ намъ кинжалъ.

* * *

Трепещутъ пѣнистыя урны...
Веселый звонъ стихаетъ вдругъ...
Шипя, струится сокъ пурпурный
Изъ помертвѣвшихъ блѣдныхъ рукъ.

* * *

Созрѣла мечь! Свершилось дѣло,
Угасъ послѣдній свѣтъ надеждъ,
И тѣло женщинъ онѣмѣло
Въ безстыдствѣ сорванныхъ одеждъ.

* * *

Убить нашъ Ульрихъ, воронъ черный,
Среди рабовъ и блудныхъ женъ...
Онъ, малодушный и притворный,
Былъ первымъ въ сердце пораженъ!..

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

Дѣтскія игрушки.

Собралось нѣсколько мальчиковъ.

— Давайте играть въ министры!

— Давайте, давайте!

— А какъ?—спросилъ маленькій Сережа.

— Слушайте: ты, Ваня, будешь министромъ
просвѣщенія—возьми сигару, заложи ногу за
ногу и кури. Шура будетъ юстиція, а Петя, какъ
министръ внутреннихъ дѣлъ, будетъ водить Шуру
на веревочкѣ и на всѣхъ рычать. Ты, Сережа,
будешь предсѣдателемъ...

— Не хочу,—перебилъ, Сережа и захныкалъ:
не хочу и не буду!

— Почему?

— Я... врать... не умѣю!

ОТКЛИКИ.

Въ старомъ домѣ гробъ и вечернее мерцанье...
Свѣчи озаряютъ чьи-то мертвые глаза...
Стиснутыя губы затаили восклицанье...
Дѣвочка убитая... надъ нею образа.
Шла она по улицѣ съ толпой людей усталыхъ,
Грязныхъ и замученныхъ застѣнками труда...
Грянулъ залпъ откуда-то—и люди въ лужахъ
алыхъ

Судорожно бились и смолкали навсегда.
Вновь ударилъ залпъ, и—какъ раненая птица
Дѣвочка упала и металась на землѣ...
Ночь покровы бросила на стынущія лица—
Скрыла преступленіе въ нависшей черной мглѣ...
И два дня искала мать пропавшую въ боль-
ницахъ,
Въ сумрачныхъ мертвецкихъ, наконецъ, нашла...
Слезы задрожали на заплаканныхъ рѣсницахъ...
Были окровавленны недвижныя тѣла.
Умоляла выдать дочь, и въ жуткомъ ожиданьѣ
Цѣловала тусклые, застывшіе глаза...

Въ старомъ домѣ гробъ... и тяжелыя рыданья...
Дѣвочка убитая... надъ нею образа...

ЯКОВЪ ГОДИНЪ.

Искры.

На урокъ географіи.

— Какой поясъ охватываетъ Россію?

— Самый тугой.

— Мы—кровавые русскіе!—говорили съ гор-
достью остзейскіе бароны, отыскавъ ключъ къ
замку.

Въ кабинетѣ особы.

— Это, Ваше—ство, пре... красный человѣкъ...

— Увольте. Мнѣ нужны безцвѣтные люди.

Барыня. Гдѣ сережка?

Лакей. Въ кабинетѣ-съ.

Барыня. Развѣ мѣсто сережкѣ въ каби-
нетѣ? Въ ухо надо...

— Любимое занятіе російскихъ сатраповъ —
искать въ головѣ!—замѣтилъ знатный путеше-
ственникъ, наблюдая наши нравы.

Какое сходство между бѣлугой и свободой?

Ту и другую бьютъ острогами.

Го графъ Ниродъ былъ, а теперь и графъ
Иродъ объявился.

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой...

При вѣстрѣчѣ.

— Когда же выборы въ Думу?

— Да развѣ жандармы не всѣхъ еще выбрали?..

— Передъ обыскомъ—солдаты на часахъ, послѣ обыска—часы на солдатахъ.

Въ амбулаторіи.

— Колики въ животѣ..

— Отъ колики и живота лишаются!..

Адмиралъ Дубасовъ въ короткое время кровно сроднился съ Москвой... Что значитъ «истинный сынъ»!..

На телеграфѣ.

— Телеграмма вѣрно поданная?

Чиновникъ. Иныхъ и не принимаемъ.

МСТИСЛАВЪ.

Передъ обыскомъ.

Поздній вечеръ.

На столѣ будильникъ съ остервененіемъ отбиваетъ:

— Такъ-такъ! Такъ-такъ!

Иванъ Михайловичъ ходитъ изъ угла въ уголъ и въ тактъ ему бормочетъ:

— Ъхать, такъ ѡхать; ѡхать, такъ ѡхать!

Жена въ утренней кофточкѣ, съ растрепанной прической, съ синими кругами около глазъ сидитъ на полу передъ комодомъ и торопливо складываетъ въ него разбросанное по всей комнатѣ бѣлье.

— Ничего тамъ?—спросилъ Иванъ Михайловичъ, останавливаясь около нее и кивнувъ головой на комодъ.

— Ничего.

И опять будильникъ отбиваетъ:

— Такъ-такъ!

И снова Иванъ Михайловичъ заходилъ по комнатѣ.

— Ъхать, такъ ѡхать.

— Ваня! А газеты?—спрашиваетъ жена.

— Газеты? У насъ есть газеты?

— Цѣлая пачка... въ кухнѣ.

— Сжечь! Сжечь! Вѣдь я говорилъ уже. Зина!

— Ну я сейчасъ... я скажу Агашѣ, — и она направилась было въ кухню.

— Вотъ и глупая, вотъ и ничего не понимаешь!—остановилъ ее Иванъ Михайловичъ.—Даразвѣ можно теперь! А придутъ? Топится печь... Ая-яй.

Онъ схватился за голову и еще быстрѣе забѣгалъ по комнатѣ.

— Агаша!! Позови Агашу.

— Вотъ что, милая, — обратился къ ней Иванъ Михайловичъ, — вы возьмите тамъ газеты, — всѣ, что есть въ кухнѣ, и снесите внизъ,

въ лавочку. Лавочникъ просилъ, чтобы мы ему продали ихъ... на завертку.

— Хорошо, баринъ...

— Но стойте, стойте! Тамъ есть съ вырѣзками... Ключки вырѣзаны—такъ вы скажите, что это Миша баловалъ и рѣзалъ. Обязательно скажите... Шалунъ, молъ мальчикъ, сидитъ и рѣжетъ. Такъ и скажите...

Когда за Агашей хлопнула дверь, Иванъ Михайловичъ пошелъ осмотрѣть кухню и—о ужасъ!—на стѣнѣ, какъ разъ противъ двери, висѣлъ противень—жестяной листъ, на которомъ Агаша пекла такіе вкусные пироги. Иванъ Михайловичъ схватилъ его и бросился въ столовую.

— Зина! Что ты дѣлаешь!? Что это такое?—спрашивалъ онъ, махая передъ ней противнемъ.

— Пиро... ги...

— Пироги! Да это гектографъ! Понимаешь? Вѣдь я тебѣ недавно читалъ, что это гектографъ. Берутъ жидкость сваренную, наливаютъ ее вотъ на такой листъ, она застываетъ и печатаютъ, печатаютъ, печатаютъ... прокламаціи...

— Ну, Ваня! Спрячемъ... куда? Скорѣе, говори..

— А! Теперь все равно, все равно! Позови дворника!

Дворникъ пришелъ.

— Семень Ефремовичъ, вы, вѣроятно, знаете тутъ гдѣ-нибудь по близости слесаря?

— Знаю, баринъ...

— Такъ вотъ, пожалуйста, снесите ему починить этотъ листъ... придѣлать... ручку что ли? Зина! Да-да! Ручку... положимъ, тутъ есть одна... ну-да... еще одну вотъ тутъ... сбоку... ручку. Вотъ-вотъ, Семень Ефремовичъ. Пусть придѣлаетъ сбоку. Снесите поскорѣе.

— Хорошо, баринъ.

— Уфъ!!—облегченно вздохнулъ Иванъ Михайловичъ, когда дворникъ вышелъ.—А все-таки уѣду. Видитъ Богъ, уѣду! Миша спитъ?

— Спитъ.

— Во! «Будьте какъ дѣти» — такъ, Зина, сказалъ Христось.

— Такъ что же?

— Ну и «блаженіи чистіи сердцемъ»...

— Если бы такъ! но... иродово избіеніе младенцевъ...

И вдругъ будильникъ, какъ сумасшедшій, застучалъ оглушительною, звонкою дробью.

Иванъ Михайловичъ поблѣднѣлъ, присѣлъ на корточки и крикнулъ:

— Пришли... обыскъ... голубчики... начинается.

Его жена стояла, безмолвно раскинувъ руки...

А когда порывъ ужаса прошелъ, Иванъ Михайловичъ злобно поднялся на ноги и изо всей мочи ударилъ кулакомъ по будильнику.

— Проклятый... Я съ ума сойду...

С. П—ОВЪ

Новая порода хищниковъ изъ породы барсовъ—Кауль-барсъ. Обитаетъ на югѣ въ Одессѣ, кровожаденъ, мудръ и обладаетъ всѣми качествами государственнаго дѣятеля. Находитъ, что судъ—вещь излишняя, а, во избѣжаніе частыхъ «судебныхъ ошибокъ», легче и проще примѣнять смертную казнь безъ суда.

Изъ Гейне.

(По поводу 50-лѣтія со дня кончины)
(«Deutschland», XIII).

Завѣса тумана раздвинулась вдругъ—
И, грубой рукой смастеренный,
Весь розовый, выступилъ образъ того,
Кто умеръ, къ кресту пригвожденный.

Когда я, сородичъ, гляжу на тебя,
Скорбитъ мое сердце глубоко:
Людское отродье хотѣлъ ты спасти—
И какъ поплатился жестоко!

Верховный совѣтъ учинилъ надъ тобой
Безспорно постыдное дѣло;
Но церковь и строй государственный все-жъ
Громилъ черезчуръ ужъ ты смѣло.

Въ тѣ дни не родился еще Гуттенбергъ
И не было книжной печати:
Иначе бы ты намъ ученье свое
Повѣдалъ въ печатномъ трактатѣ.

Чтобъ землю ничѣмъ онъ обидѣть не могъ,
Въ немъ сдѣлалъ бы цензоръ изъятъ—
И доброй цензуры десница тебя
Навѣрно спасла-бъ отъ распятыя...

Ахъ, если-бъ въ нагорную проповѣдь ты
Вложилъ содержанье иное
И набожной жизнью извѣстныхъ людей
Оставилъ бы вовсе въ покоѣ!

Мѣнялъ, лихоимцевъ и прочихъ когда-бъ
Не выгналъ бичомъ ты изъ храма,
На каждомъ шагу не томила бы насъ
Печалью голгоѣская драма...

В. С. ЛИХАЧОВЪ.

Изъ разговоровъ.

— И такъ, въ Россіи возстановляется крѣ-
постное право?

— Полноте! Что вы!

— Да какъ же: только о крѣпостяхъ и слы-
шишь—даже нѣсколько новыхъ, говорятъ, соби-
раются строить!

И—А—О

Сотникъ.

Я помню: сотникомъ донскимъ
Тебя когда-то называли,
Казаконъ храбрымъ и лихимъ
Тебя товарищи считали.

Вскочивъ на рѣзваго коня,
Ты гарцовалъ предъ вражьемъ станомъ.
И въ пламя адскаго огня
Въ атаку несся ураганомъ...

То было много лѣтъ назадъ...
Межъ тѣмъ судьба тебя взыскала:
Схвативши множество наградъ
И чинъ почтенный генерала,

Ты снова въ станѣ боевомъ—
Въ борьбѣ съ крамольникомъ тлетворнымъ;
И мы опять тебя зовемъ
Все тѣмъ-же сотникомъ, но—чернымъ...

ЮР. П.

До реакціи.

(Пародія)

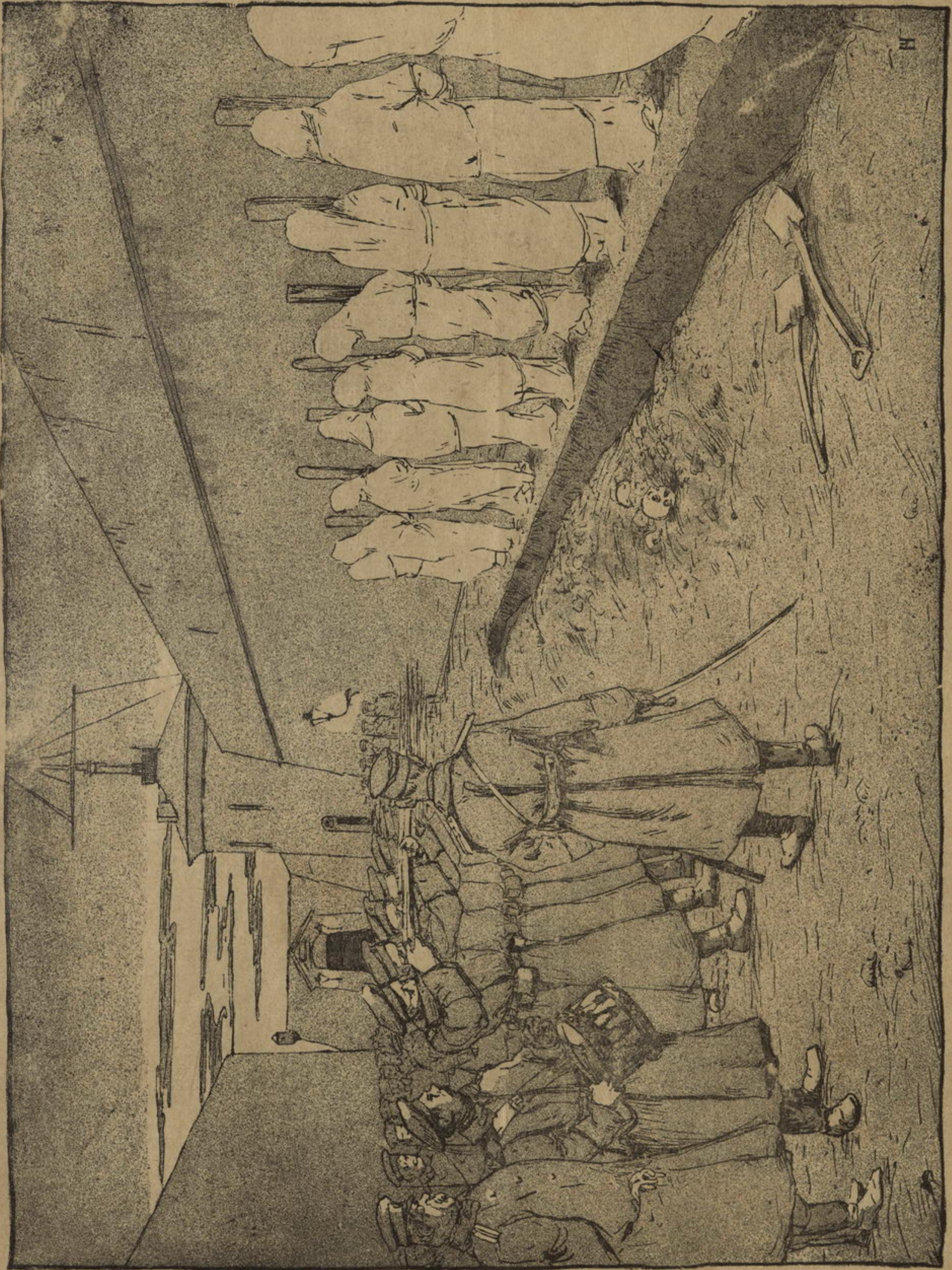
Духъ свободы... Къ перестройкѣ
Вся страна стремится,
Полицейскій въ грязной Мойкѣ
Хочетъ утопиться.

Не топись, охранный воинъ,—
Воля улыбнется!
Полицейскій! будь покоенъ,—
Старый гнетъ вернется...

САША ЧЕРНЫЙ.

5 Февраля 1906 г.

М А С К И.

На зарѣ.

Задача.

Среди волнений и тревог
Весьма мудреная задача —
Найти въ Россіи уголокъ,
Гдѣ нѣтъ ни скрежета, и плача;

* * *

Гдѣ произвола тяжкій гнетъ
Не задушилъ еще народа;
Гдѣ, вмѣсто множества «свободъ»,
Одна, но вѣрная свобода;

* * *

Гдѣ безъ насмѣшки говорятъ
О просвѣщеніи, о школахъ,
И гдѣ опричниковъ отрядъ
Не безобразничаетъ въ селахъ;

* * *

Гдѣ для преступниковъ—тюрьма,
А правыхъ на цѣпь не сажаютъ;
Гдѣ обывателямъ въ дома
Шутя изъ пушекъ не стрѣляютъ;

* * *

Гдѣ «чрезвычайный» генераль
Не видитъ въ казняхъ наслажденья;
Гдѣ не ссылаютъ за Уралъ
Людей—за слово убѣжденья;

* * *

Гдѣ въ три погібели не гнутъ;
Казакъ прохожаго не хлещетъ,
И Карлъ Амалія Грингмутъ
Зубами дико не скрежещетъ...

ЮР. П.

* * *

Полтава. Полтавскій полиціймейстеръ не разрѣшилъ къ постановкѣ «Горя отъ ума». (Изъ газетной хроники).

О ты, порядка стражъ полтавскій,
Въ своемъ усердьи ты великъ!
Какъ цензоръ старшій и заправскій,
Крамолы суть чутьемъ проникъ.

* * *

Ужъ много лѣтъ на нашей сценѣ
Играли «Горе отъ ума»
И присудить ея къ отмѣнѣ
Цензура даже не могла

* * *

Но ты ведешь себя примѣрно
Завиденъ вчужѣ твой удѣлъ:
Ужъ отъ ума-то ты навѣрно
Ни разу горя не терпѣлъ.

П-РО.

Редакторъ-издатель С. В. Чехонинъ.

Принимается подписка на 1906 г.

НА ЖУРНАЛЪ ПОЛИТИКО-ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

2-й годъ
изданія.

ЗРИТЕЛЬ.

2-й годъ
изданія.

Выходитъ еженедѣльно. Рисунками въ краскахъ.

Въ виду приостановки «ЗРИТЕЛЯ» впредь до судебного приговора, контора журнала вошла въ соглашеніе съ конторой журнала МАСКИ, которая обязалась удовлетворять подписчиковъ «ЗРИТЕЛЯ». Подписная цѣна съ перес.: на годъ—ТРИ руб., 6 мѣс.—1 руб. 75 к., 3 мѣс.—1 р. Для годовыхъ допускается разсрочка: при подпискѣ—2 руб. и 1 руб. къ 1 мая. Подписной годъ считается съ 1 января 1906 г.

Секретарь редакціи принимаетъ ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 3—5 часовъ.

Контора «Зрителя»: Петербургъ, Невскій, 28.

Открыта подписка на 1906 г.

на новый литературно-художественный журналъ политической и общественной сатиры

Альманахъ.

Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ размѣромъ около 70 страницъ съ рисунками и виньетками въ краскахъ. Цѣна на годъ безъ доставки ОДИНЪ рубль; съ пересылкой и доставкой 1 р. 50 к.

Отдѣльные № 20 коп. Контора «Альманаха»: Петербургъ, Невскій, 28.

Типографія Я. БАЛЯНСКАГО. Спб., Забалканскій. пр., 18.